

Научная статья / Research Article

УДК 903.53-032.5(571.16)«653»

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(3\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(3).-09)

EDN: CFOPSG

О ХРОНОЛОГИИ ПОГРЕБЕНИЙ НА КАМНЯХ ИЗ БАСАНДАЙСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА

Людмила Михайловна Плетнева

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия;

mila.pletnyova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9715-8063>

Резюме. Хронология курганов Басандайского курганного могильника рассматривалась З.Я. Бояршиновой, А.П. Дульзоном, частично В.А. Могильниковым, Л.М. Плетневой.

З.Я. Бояршинова разделила погребения Басандайского курганного могильника по стратиграфии на верхний и нижний горизонты и выделила три сидячих погребения. Погребения нижнего горизонта датированы ею X–XII вв., верхнего — XIII–XIV вв. Обоснования датировок, кроме выявления погребений по горизонтам, нет.

А.П. Дульзон все погребения этого могильника разделил на грунтовые и наземные. Часть грунтовых погребений он датировал «в основном XII в., может быть, XI в.», часть — XIII–XIV вв. Наземные отнес к XIII–XIV вв. и, может быть, позже.

Л.М. Плетнева определила хронологию нескольких могильников Томского Приобья, в том числе и БКМ, XII–XIV вв., выделив комплекс предметов XIII–XIV вв. По нему часть погребений из БКМ отнесла к XIII–XIV вв.

Введение в научный оборот значительного корпуса источников и их обработки вызвало обращение к этой теме вновь. В данной статье взяты только погребения на камнях, их девять. Проблема хронологии Басандайского курганного могильника остается до сих пор не до конца решенной.

Цель статьи: выявление дополнительных деталей для обоснования датировки погребений на камнях и их датировка.

Ключевые слова: погребение, могильник, развитое средневековье, басандайская культура

Благодарности: выражаю благодарность за помощь в подготовке статьи д.и.н. В.В. Горбунову, к.и.н. О.Б. Беликовой и директору Музея археологии и этнографии ТГУ И.Н. Коробейникову.

Для цитирования: Плетнева Л.М. О хронологии погребений на камнях из Басандайского курганного могильника // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, №3. С. 120–146. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(3\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(3).-09)

CHRONOLOGY OF GRAVES ON STONES FROM THE BASANDAIIKA BURIAL MOUND

Lyudmila M. Pletneva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia;

mila.pletnyova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9715-8063>

Abstract. The chronology of mounds in the Basandaika Burial Mound was studied by Z.Ya. Boyarshinova, A.P. Dulzon, partially by V.A. Mogilnikov and L.M. Pletneva.

Z.Ya. Boyarshinova stratigraphically divided burials of the Basandaika Burial Mound into upper and lower horizons and identified three seated burials. She dated the burials of the lower horizon to

the 10th–12th centuries and the upper horizon to the 13th–14th centuries. However, she did not justify the dating, except for attributing the burials to horizons.

A.P. Dulzon divided all burials of this mound into underground and surface ones. He dated some of the underground burials “mainly to the 12th century, possibly the 11th century”, and some to the 13th–14th centuries. The surface burials were dated to the 13th–14th centuries or possibly later.

L.M. Pletneva dated several burial mounds in the Tomsk Ob Region, including the Basandaika Burial Mound, to the 12th–14th centuries and identified a set of items dating back to the 13th–14th centuries. Based on this, she attributed some of the burials from the Basandaika Burial Mound to the 13th–14th centuries. The issue of the chronology of the Basandaisky kurgan burial ground remains unresolved till day.

This topic was revisited due to the introduction and processing of a substantial body of sources in scientific research. This paper focuses only on graves on stones (nine in total).

The purpose of the paper is to identify additional details to justify the dating of graves on stones and accurately date them.

Keywords: grave, burial mound, High Middle Ages, Basandaika culture

Acknowledgments: I express my gratitude to Dr. of History V.V. Gorbunov, PhD in History O.B. Belikova and Director of the TSU Museum of Archaeology and Ethnography I.N. Korobeynikov for their contributions to this paper.

For citation: Pletneva L.M. Chronology of Graves on Stones from the Basandaika Burial Mound. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2023;35(3):120–146. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(3\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(3).-09)

Введение

Басандайский курганный могильник находится в двух километрах к югу от г. Томска. Большая часть курганов располагалась на надпойменной террасе, меньшая — цепочками поднимается выше (Плетнева, 1997, рис. 80).

К хронологии Басандайского курганного могильника (БКМ) исследователи обращались многократно. Впервые это сделала З.Я. Бояршинова (1947, с. 151–165). Она выделила три группы погребений по уровню залегания их в кургане: погребения нижнего горизонта, погребения верхнего горизонта и три впускных сидячих погребения. Погребения нижнего горизонта отнесены ею к X–XII вв.

При описании предметов нижнего горизонта она назвала следующие погребения на камнях: курган №66, погребение 1; курган №54, погребения 1, 2, 3; курган №25, погребение 3; курган №1, погребение 3 (Бояршинова, 1947, с. 153–159). В разделе статьи «Основные типы погребений» З.Я. Бояршинова выделяет погребения на камнях, где указаны все перечисленные выше погребения (Бояршинова, 1947, с. 161). Обоснования датировок предметов нет, кроме приведенных аналогий бубенчикам, подвескам из ялпис-лазури и фигурке медведя (Бояршинова, 1947, с. 154, 155). Погребения верхнего горизонта она отнесла к XIII–XIV вв., может быть, к XV–XVI вв. (Бояршинова, 1947, с. 153). Погребений на камнях среди них нет.

А.П. Дульзон разделил их на: «а) грунтовые погребения, б) наземные погребения. Грунтовые погребения — это могильные ямы, над которыми после их засыпки насыпался курган. Наземные погребения — захоронения на поверхности земли (без ямы), сверху — насыпь» (Дульзон, 1953, с. 167). Учитывая этот признак и ссылаясь на датировку предметов, А.П. Дульзон приводит список погребений по каждой из групп.

Подводя итог датировке погребений БКМ, А.П. Дульзон писал: «Основная масса грунтовых могил возведена в XIII–XIV вв. Остальные же грунтовые могилы относятся к более раннему времени, в основной своей массе к XII в., а частью, может быть, и к XI в. (например, погребение №1 кургана №66, погребение №1 кургана №54, погребение №2 кургана №54, погребение №4 кургана №77, погребение №5 кургана №77» (Дульзон, 1953, с. 179). Первые три погребения — это погребения на камнях. Грунтовое погребение №3 кургана №25 по захоронению лошади и датировке предметов им отнесено к XII–XIV вв. Наземное погребение №3 кургана №1 он датировал XIII–XIV вв., одновременно указав, что оно показывает преемственность между грунтовыми и наземными погребениями по нахождению в нем украшений из лазурита и сердолика, а также захоронения лошади (Дульзон, 1953, с. 169).

В.А. Могильников (1980, с. 23), назвавший культуру Томского Приобья басандайской, в работе «Сибирские и среднеазиатские кочевнические древности» сослался на три таблицы в сборнике «Басандайка» в качестве примера сrostкинских погребений в Томском Приобье, относящихся к X–XII вв.: это погребение 3 в кургане №1, погребения 2, 3 в кургане №25 (Дульзон, 1947а, табл. 31, 38 и 41; Могильников, 1981, с. 192).

Выделенные варианты сrostкинской культуры М.П. Грязновым (1956) и Д.Г. Савиновым (1994) не касались территории Томского Приобья. Однако В.А. Могильников, Д.Г. Савинов, В.В. Горбунов, ссылаясь на памятники Томского Приобья (Еловку, Басандайку), говорят как о пришлом компоненте на территорию Томского Приобья: тюркском (Могильников, 1981, с. 191; 1987, с. 232, 234) и кыпчакском (Горбунов, 2003, с. 42, 2-я половина XI — XII в.).

Многочисленные ссылки на БКМ содержатся в работе С.Г. Рослякова по исследованию могильника Санаторный-1 (2008, с. 71–275) и в публикации материалов могильника Ташара-Карьер-2 (Новиков, 2008, с. 276–337). Оба памятника отнесены к басандайской культуре.

Материалы БКМ часто используются в качестве аналогий материалам всего развитого средневековья Западной Сибири (включая Алтай), Южной и Восточной Сибири (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002; Горбунов, 2003; Беликова, 1996; Илюшин, 2005; Николаев, 2004; Тишкин, 2009; Горбунов, Тишкин, 2022).

Как известно, наиболее достоверной является датировка тех объектов, в которых найдены монеты. Разработанная Г.А. Федоровым-Давыдовым (1966) и В.А. Ивановым, В.А. Кригером (1988) типология предметов вооружения и снаряжения коня подтверждена монетным материалом. Часто монеты находят в среднеазиатских погребениях. Есть несколько работ, выводы по хронологии в которых получены в результате разработки классификации и типологии, построенных на изменении форм предметов во времени (Худяков, 1980; 1997; Горбунов, 2006). Эти работы использованы в качестве опорных в данной статье.

К датировке Басандайских курганов автор статьи уже обращалась (1997). Было датировано 38 погребений из 72, имеющих предметы. Новое обращение к этому вопросу вызвано следующими обстоятельствами: автором была продолжена работа по изучению материалов Томского Приобья 1-й половины II тыс. н.э. в социокультурном аспекте (Плетнева, 2019; 2021; 2022а, б). В результате появились дополнительные мате-

риалы, которые помогут датировать некоторые погребения более обоснованно. Кроме того, после конца 1990-х гг. появились публикации значительного корпуса источников и их обработки на соседних территориях (Адамов, 2000; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002; Николаев, 2004; Новиков, 2008; Росляков, 2008; Тишкин, 2009; Горбунов, Тишкин, 2022), что позволяет рассматривать материалы из БКМ на более широком историко-культурном фоне. В данной статье для датирования взяты погребения на камнях. Таких погребений девять (табл. 1)⁴.

Предваряя изложение материалов по обозначенной теме, отметим некоторые признаки погребально-поминального обряда погребений на камнях.

1. Курганы №54, 66, 68, 70, 97 располагались в восточной части могильника, в той части, которая находится на надпойменной террасе. Курган №1 — в западной части, курган №25 — в северной части. Курганы в восточной части имели небольшую группу погребений на камнях (Плетнева, 1997, рис. 80).

2. Из девяти погребений на камнях семь умерших захоронены по обряду ингумации (взрослые и подросток) и двое умерших (дети) сожжены на стороне с последующим захоронением (Плетнева, 2022б, табл.).

3. Погребенные ориентированы по направлению С–Ю, головой на юг в пяти курганах; по одному — головой на юго-запад, могилы с трупосожжением ориентированы по направлению: одна — СВ–ЮЗ, вторая — СВВ–ЮЮЗ.

4. Захороненные люди (кроме детей, см. табл. 1) при жизни были представителями власти (к. 1, п. 3), богатыми людьми (к. 54, п. 1; к. 66, п. 1), пешими воинами, скотоводами, охотниками (к. 68, п. 3; к. 70, п. 3; к. 97, п. 3) (табл. 1, Плетнева 2021, с. 109, 113, 116). Среди них нет малоимущих или неимущих (Плетнева, 2021). Детские погребения выделяются богатым инвентарем и наличием лошади (к. 25, п. 3) или наличием статусного предмета — фрагмента зеркала (к. 54, п. 2).

Камни — это песчаниковые плиты (Плетнева, 2022б). Они были положены под голову, таз и под ступни, в одном случае лежали рядом с могилой (табл. 1).

⁴ Таблица 1 содержит характеристику каждого погребения на камнях. В ней выделены предметы, которые используются для определения хронологии, а также перечислены предметы, найденные в погребении, кроме уже обозначенных.

Басандайский курганный могильник. Характеристики погребений на камнях
 Basandai kurgan burial ground. Characteristics of burials on stones

Курган, погребение	Наличие камней	Ориентация	Группа по соц. структуре	Вооружение				Снаряжение коня, человека			Лошадь	Украшения и детали костюма		
				Железные наконечники	Копье	Меч	Ланцирь	Стремена	Удила	Крюки		Зеркало	Четырехлепестковая бляшка	Двусоставная застёжка
1 К. 1, п. 3	6 — под рамой и берестяной подстилкой	Ю	I	20	1	1	+	+	3	2			+	
2 К. 25, п. 3	3 — с ЮЗ стороны мог, 1 — с СВ	Ю	Раб.					+	1	1			1 пол.	
3 К. 54, п. 1	1 — под головой, 2 — в ногах	Ю	II/2						1					
4 К. 54, п. 2	3 под ящиком, трупосож.	СЗ-ЮВ	Раб.									Фрагм.		
5 К. 54, п. 3	4+2 мелких, трупосож.	СЗВ-Ю-ЮЗ	Раб.											
6 К. 66, п. 1	1 — под головой, 1 — ниже таза, 1 — под стопами	Ю	II/2	6										
7 К. 68, п. 3	1 — под головой, 1 — под бедрами, 1 — под стопами	Ю	III/2	7										
8 К. 70, п. 3	1 — под стопами	ЮЮЗ	III/2	2 разр.								3		
9 К. 97, п. 3	1 — под головой, 1 — под ногами	ЮЗ	III/2	9										

продолжение таблицы

Украснения и детали костюма		Другие предметы					Хронология, век					Курган, погребение
Подвеска «Птица у дерева»	Ажурная подвеска	Лазурит	Сердолик	Янтарь	Перламутр	Коралл	З. Я. Боршнова	А. Л. Дувзон	В. А. Мо-гильников	Плетнева, 1997	Плетнева, 2023	
		+	+			+	X-XII	XIII-XIV	XI-XII	XIII-XIV	XIII-XIV	К. 1, п. 3
	Пол.+1 целая	+	+		+		X-XII	XIII-XIV		XIII-XIV	XIII-XIV	К. 25, п. 3
+		+	+	+	+		X-XII, может быть, XI	XII, может быть, XI		XIII-XIV	XII-XIII	К. 54, п. 1
			+	+			X-XII	XII, может быть, XI		XII-XIV	XI-XII	К. 54, п. 2
							X-XII			XII-XIV	XI-XIII	К. 54, п. 3
		+	+				X-XII	XII, может быть, XI		XII-XIV	XII, может быть, XIII	К. 66, п. 1
							X-XII			XII-XIV	X-XIII	К. 68, п. 3
										XII-XIV	Кон. XI — нач. XIII	К. 70, п. 3
										XII-XIV	XI-XII	К. 97, п. 3

Таким образом, хронология погребений из Басандайского курганного могильника до конца не решена. Целью статьи является выявление дополнительных деталей для обоснования датировки погребений на камнях и их датировка.

Материалы и исследования

В ходе подготовки статьи вновь просмотрена сохранившаяся часть коллекции. К сожалению, сохранность железных предметов в связи с хранением коллекции во время длительного ремонта помещения музея и многократными перемещениями коллекций ухудшилась, изучена полевая документация (Архив МАЭС, №106), в которой наряду с описанием хода работ есть рисунки предметов в уменьшенном масштабе, выполненные часто от руки, и отчет А.П. Дульзона, посланный им в Отдел полевых исследований института археологии АН СССР (Научный архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №50. 177 л.). Отчет содержит машинописный текст со многими правками. В текст вставлены рисунки курганов, погребений и предметов, в основном в натуральную величину, редко в $\frac{1}{2}$ ее, выполненные на миллиметровой бумаге.

Из каждого погребения для его датирования были отобраны предметы, хронология которых исследователями хорошо отработана (меч, копье, наконечники стрел), затем предметы, хронология которых спорна (бронзовые ажурные подвески и др.), и далее при сопоставлении полученных дат определялась дата погребения в целом.

Курган №1, погребение 3. Погребение располагалось на шести камнях (Дульзон, 1947а, табл. 31). По инвентарю это самое богатое погребение в БКМ, отнесено к группе элитных (Плетнева, 2021, с. 109).

Из предметов вооружения в нем найдены: меч, наконечник копья, наконечники стрел. Из оборонительного доспеха происходит панцирь, из экипировки воина — короткие крюки на кольцах, длинная железная пластина на кольце, к которому прикреплено маленькое колечко и две железные пряжки (табл.). Рассмотрены также предметы костюма и быта.

Вооружение

Наконечники стрел. В погребении было найдено 20 железных наконечников стрел, в коллекции сохранилось 13, остальные — в обломках (рис. 1)⁵. Это мелкие наконечники: наибольший размер в длину вместе с черешком 7,8 см, в ширину — 1,2 см. Они сильно корродированы, в реальности имели несколько другие размеры. Самый маленький наконечник имел размер в длину 4,8 см (черешок сохранился частично), в ширину — 0,7 см. Все наконечники черешковые. По поперечному сечению пера выделяются трехгранные (рис. 3.-б) и четырехгранные (рис. 3.-1, 2), по-видимому, некоторые имели упор, часть наконечников в сечении плоские (рис. 3.-4, 5). Форму пера из-за коррозии определить сложно, большинство из них — в форме узкой вытянутой лопаточки (рис. 3.-1, 2), два наконечника имеют небольшую головку и длинные вытянутые плечики с четырехгранным упором (рис. 3.-б).

В целом это наконечники небольших размеров, их четырехгранное сечение указывает на бронебойные качества.

⁵ Рисунки к статье (кроме рис. 1, 2) выполнены Е.В. Кирилловой, фотографии — В.В. Леонтьевым.

Приведем несколько аналогий из памятников на соседних территориях. Подобные наконечнику №6 на рис. 1 найдены в могильнике Ташара-Карьер-2 (Новиков, 2008, рис. 55.-2; к. 6, п. 4). В могильнике Санаторный-1 они найдены, например, в погребении 2 кургана 16 (Росляков, 2008, рис. 109). Этот курган датирован XI–XII вв. (Росляков, 2008, с. 153). Такие наконечники стрел обнаружены на Среднем Чулыме: подобный наконечнику из БКМ №6 на рис. 1 найден в погребении кургана 5 Калмацкого курганного могильника (Беликова, 1996, рис. 64.-1, 5, дата XI–XIII вв., с. 100). Приведенные аналогии указывают на XI–XII вв., иногда встречаются и позже. Они были многочисленными в сrostкинской культуре (Горбунов, 2019, с. 339).

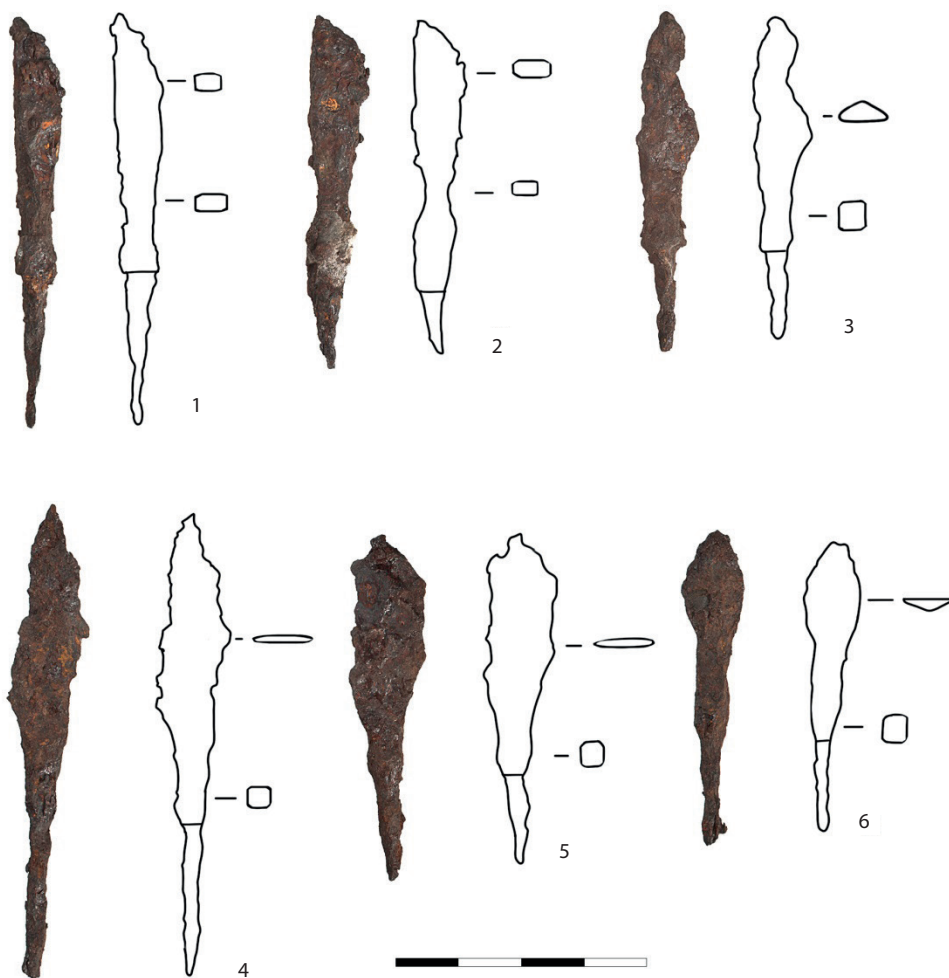

Рис. 1. БКМ. Курган №1, погребение 3. Железные наконечники стрел

Fig. 1. BKM Mound 1, grave 3. Iron arrowheads

Наконечник копья. Он с узким, ромбическим в сечении пером и узкой втулкой. Общая длина 19,5 см, втулки — 9 см, ширина клинка у основания 2,3 см, диаметр втулки на конце 2 см (Дульзон, 1947б, №106, тетр. №2, с. 14; Дульзон, 1947а, табл. 32, №74). В.В. Горбунов относит такие наконечники копий к равновеликим: раздел II, отдел II — четырехгранные (ромбовидные), тип 4 — килевидные, вариант 2 — с наклонными плечиками (Горбунов, 2006, с. 47). Аналогии, приведенные им: Ближние Елбаны (БЕ) VIII, к. 1, м. 5 (Грязнов, 1956, табл. LIV.-4), БЕ-IX, к. 1 (Грязнов, 1956, табл. LXI.-1, 2). Могильник в пункте БЕ-IX М.П. Грязнов отнес к началу II тыс. н.э., а не к сrostкинской культуре, так как ее дата была им определена IX–X вв. (Грязнов, 1956, с. 145). Теперь эта культура датирована 2-й половиной VIII–XII вв. (Горбунов, 2019, с. 333; Горбунов, Тишкин, 2022, с. 128) и этот памятник отнесен к сrostкинской культуре. Подобные наконечники копий найдены в комплексе вещей с о-ва Болонь и в Надеждинском могильнике, которые датируются 1-й половиной IX — 1-й четвертью XII в.: второй этап чжурчжэньской культуры в Приамурье (Медведев, 1986, рис. 24, 31.-6, с. 177).

Меч. Однолезвийный, с прямой рукоятью (сохранилась не вся), без перекрестья. Общая длина 90 см, длина клинка 87 см, с обеих сторон имеется желобок. Конец клинка на расстоянии 34 см от конца острия заточен на две стороны (Дульзон, 1947б, табл. 32, №58). Такие мечи характерны для сrostкинской культуры (с желобком встречаются редко) (Горбунов, 2006, рис. 54.-1; Грязнов, 1956, с. 149, табл. LVI, БЕ-VII, мог. 78). Подобный меч (палаш по Адамову, 2000, с. 43) найден в Новосибирском Приобье, в могильнике Березовый Остров-1 (Адамов, 2000, рис. 34.-13). Он с перекрестием, отнесен автором к X–XII вв. (шадринцевский этап, рис. 108).

Панцирные пластины. По описанию А.П. Дульзона: «можно было проследить значительное количество железных пластинок, размером 5,5×2 см, толщиной 1,5 мм, большей частью прямоугольной формы с 10 маленькими (в 1 мм) отверстиями (Дульзон, 1947а, табл. 32, №52), некоторые из них были соединены в ряд полосой в 15–40 см, в ряде случаев они были наложены длинными сторонами одна на другую, так что боковые отверстия одной пластины приходились на соответствующие отверстия другой (рис. 2.-3, 4). По-видимому, эти пластины составляли латы, которые, однако, не были надеты, а лежали на верхней части ног» (Дульзон, 1947а, с. 87). Сколько было пластинок — неизвестно, вряд ли был положен целый панцирь. В Верхнем и Среднем Приобье такой вид оборонительного доспеха зафиксирован в памятниках верхнеобской культуры (Троицкая, Новиков, 1998, с. 44, рис. 23.-5, могильник Крохалева-23; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 49.-3, 4; рис. 53.-2, 3; рис. 54.-2, 3, 4 — Тимирязевский курганный могильник; рис. 75.-3, 4 — могильник у Архиерейской Заимки). Защитный доспех — пластинчатый панцирь использовался населением сrostкинской культуры на Алтае (Горбунов, 2019, рис. 3.26-9, VIII — сер. XI в.), в Новосибирском Приобье (Адамов, 2000, рис. 43.-1, могильник Березовый Остров-1, к. 8, п. 2). Панцирные пластины найдены в культуре енисейских кыргызов на Среднем Чулыме как в курганах сер. XI — XII в. (Беликова, 1996, рис. 35.-2, 3, 3А, Змеинкинский курганный могильник к. 55), так и в курганах XIII в. (Беликова, 1996, рис. 69.-9, 10, 14, Калмацкий курганный могильник, к. 9). Однако, панцири в Сибири были в употреблении еще в XVII веке» (Дульзон, 1953, с. 170).

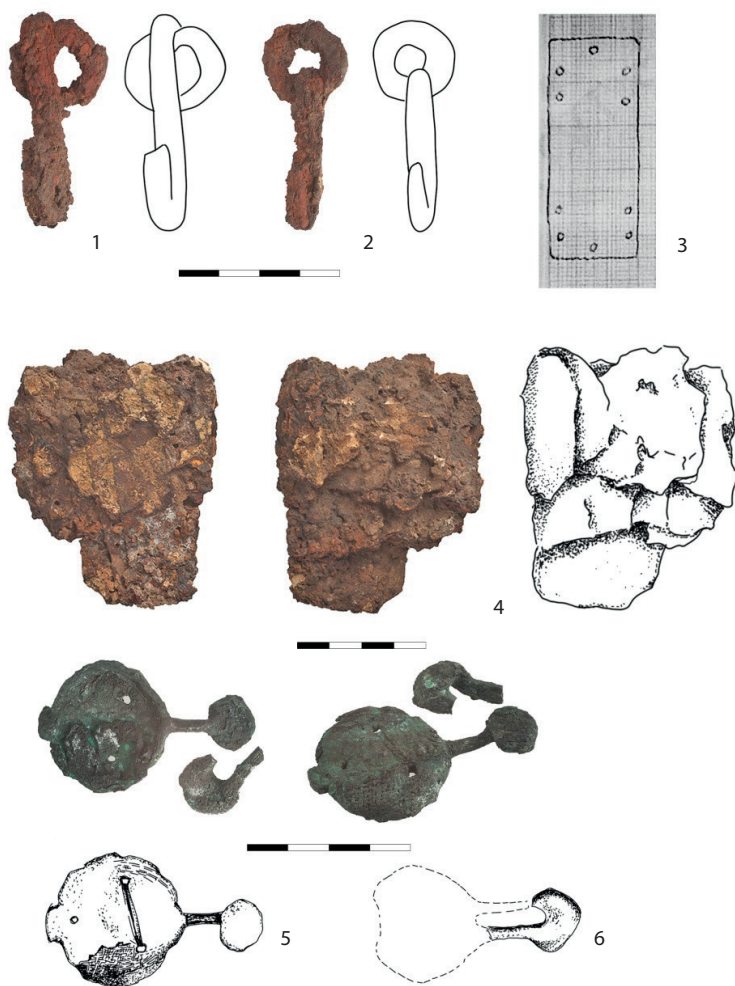

Рис. 2. БКМ. Курган №1, погребение 3: 1, 2 – железные крюки; 3 – панцирная пластина; 4 – спекшиеся панцирные пластины; 5 – бронзовая двусоставная застежка; 6 – часть бронзовой двусоставной застежки. 3 – по: (Дульзон, Научный архив, с. 125), 6 – по: (Дульзон, 1947а, табл. 33, №16)

Fig. 2. BKM. Mound №1, grave 3: 1-2 – Iron hooks; 3 – armor plate; 4 – fused armor plates; 5 – bronze two-piece clasp; 6 – part of the bronze two-piece clasp. 3 – from (Dulzon, in: Research Repository, p. 125), 6 – from (Dulzon, 1947a, Table 33, No. 16)

Железные крюки с кольцом. В описываемом погребении найдено три небольших крюка (рис. 2.-1, 2) (Дульзон, 1947а, табл. 33, №78, 596, 83). В полевом дневнике под номером 596 значится «железный крючок, сильно обожженный, надетый на кольцо. Длина крючка 5 см, толщина 0,5 см, диаметр кольца 2 см» (Дульзон, 1947б. Дневники, №106, тетр. 2, с. 11). Такие небольшие крюки на кольцах встречены в аскизской культуре ма-

линовского этапа (Кызласов, 1983, табл. XXII.-6, 7, 10), в культуре енисейских кыргызов на Среднем Чулыме (Беликова, 1996, Калмацкий курганный могильник: к. 19, рис. 80.-15, 18; к. 20, рис. 81.-9, 10, 11; к. 21, рис. 84.-6; указанные курганы отнесены О.Б. Беликовой к X — нач. XI в.), в памятниках X–XII вв. в Новосибирском Приобье (Адамов, 2000, рис. 35.-4, 5, Березовый Остров-1, к. 4, п. 1; рис. 42.-8, Березовый Остров-1, к. 8, п. 2; рис. 49.-5, 6, Крохалевка-13, к. 9, п. 4). В более позднее время такие крюки встречаются редко (Адамов, 2000, рис. 82.-5, 6, Высокий Борок-1, к. 14, п. 1. Этот курган отнесен А.А. Адамовым к XIII–XIV вв., с. 117); в Кузнецкой котловине (Илюшин, 2005, табл. 16.-47–49. Торопово-1, XIII–XIV вв.).

Рис. 3. БКМ. Курган №1, погребение 3. Фрагменты железных удил. А, Б — фото с двух сторон
 Fig. 3. BKM. Mound №1, grave 3. Fragments of iron bits. A, B — photo from both sides

Удила. Они сильно коррозированы, сохранилось несколько фрагментов, что было отмечено еще в момент раскопок: «Обломки железных удил и какой-то другой части узды» (Дульзон, 1947а, с. 87, табл. 34, №48). При исследовании фрагментов удил просматривается одно звено удил, часть псаляя, сверху — часть железной пластины (рис.

3.-А), на обороте видно крюковое сцепление звеньев (рис. 3.-Б), кроме того, есть еще два фрагмента (рис. 3.-2, 3, 5, 6). При профильном анализе видно звено с перекрученными кольцами. Судя по сохранившимся деталям, это были двукольчатые удила с крюковым соединением, состояли из двух стержней звеньев. Между собой звенья соединялись крюками, в которые загнуты окончания стержней. Их внешние окончания состоят из двух колец разного диаметра, они перекручены в виде цифры 8. В большое кольцо вставлен псалий с загнутым окончанием.

Такие удила были широко распространены в сrostкинской культуре, есть они у кыргызов и кимаков (Грязнов, 1956, табл. LV.-21, табл. LVI.-7; Адамов, 2000, рис. 43.-2, он относит такие удила к X–XII вв. (рис. 108); Могильников, 1981, рис. 26.-18, 19; 2002, рис. 208.-8 (X — 1-я половина XI в.), рис. 208.-9 (кон. IX — нач. X в.), рис. 218.-9 (сер. X — 1-я полов. XI в.)) По типологии В.В. Горбунова, А.А. Тишкина удила, подобные удилам из погребения 3 кургана №1 БKM, относятся к типу 1 и датируются VII/VIII–XI вв., а для Лесостепного Алтая — 2-й половиной IX — 1-й половиной XI в. (Горбунов, Тишкин, 2022, с. 64–65). Однако среди памятников на Приобском плато следует назвать Боровиково-IV–V, в которых найдены подобные удила, дата этих памятников XI–XII вв. (Горбунов, Тишкин, 2022, с. 128, рис. 117.-1, 2). Исходя из того, что комплекс предметов из погребения 3 кургана №1 БKM в целом датируется не раньше XI–XII вв., удила следует отнести к этому же времени, тем более что такие примеры есть.

Пряжки. В этом погребении найдено две пряжки: 1. Пряжка подтрапециевидной/пятиугольной формы со срезанными углами и расширяющейся рамкой в передней части. Язычок отсутствовал (Дульзон, 1947а, табл. 33, №50). 2. Пряжка овальной формы с перехватом в средней части. Ее длина 5,8 см, ширина 3,2 см (Дульзон, 1947а, табл. 33, №49). Подобные пряжки обнаружены в Змеинкинском курганном могильнике (Беликова, 1996, рис. 19.-6, 13, к. 35; рис. 55.-10, к. 65). Оба кургана датированы XIII в. (Беликова, 1996, с. 100). Похожая пряжка 2 из БKM обнаружена в могильнике Санаторный-1 в погребении 1 кургана №16 (Росляков, 2008, рис. 107.-9). Это погребение датировано по ¹⁴C XI–XII, концом XII — началом XIII в. (Росляков, 2008, с. 153). На Алтае в монгольское время (по Тишкину — XII–XIV вв., Тишкин, 2007, с. 237) подобные пряжке 2 из БKM зафиксированы в БЕ-XIV (Тишкин, 2009, рис. 24.-3), в Усть-Алейка-Клуб, мог. 10 (Тишкин, 2009, рис. 96.-7); Усть-Бийке-III, к. 7 (Тишкин, 2009, рис. 125.-9, 10).

Предметы костюма и украшения. В нескольких погребениях на камнях в БKM найдены предметы, близкие по стилю исполнения, относящиеся к предметам оформления костюма и к украшениям. Ажурные застежки, состоящие из двух половин: головка одной продевалась в петлеобразный язычок другой. Они найдены в погребении 3 кургана №1 (одна половина застежки целая, от другой сохранилась только часть (рис. 2.-5, 6) (Дульзон, 1947а, табл. 33, 67), в погребении 3 кургана №25: одна застежка из двух половин и часть от другой (рис. 4.-1) (Дульзон, 1947а, табл. 50, №55, 58). Они есть в других погребениях БKM, но не на камнях (к. 1, п. 2; к. 55, п. 4; Дульзон, 1947а, табл. 30, №28, табл. 69, №182).

Такие застежки встречаются в памятниках Новосибирского Приобья: Березовый Остров-1, к. 1, п. 1 (Адамов, 2000, рис. 34.-3; следует отметить, что в описании погребения этот предмет не упомянут (с. 106)). Могильник отнесен автором к X–XII вв. —

к шандринцевскому этапу сrostкинской культуры в Новосибирском Приобье (Адамов, 2000, с. 106). Подобные застёжки с растительным узором найдены в Казахстане (Трифонов, Самашев, 1987, рис 102.-5–8. Карашат-1, объект 23, п. 2). Двусоставные застёжки с растительным орнаментом, по размерам близкие басандайским в к. 1, п. 3 и в к. 25, п. 3, обнаружены в Белокаменке, в объекте 2 (Трифонов, Ахинжанов, Ермолаева, 1987, рис. 74.-11, 12). Датируются они IX–X вв. (Трифонов, 1987, с. 115).

Одной из необычных находок является веточка коралла (Дульзон, 1947а, табл. 33, №61). Она располагалась с западной стороны черепа. В археологических материалах удалось найти один из примеров применения коралла среди ювелирных изделий древнего Новгорода (Седова, 1981, рис. 80.-7). В качестве амулетов кораллы использовались с древности, применяются и сейчас. В Китае, например, они символизировали долголетие (Бидерманн Г., 1996, с. 126).

Подведем итоги по датированию предметов из погребения 3 кургана №1 БКМ: из приведенных аналогий таким предметам, как копье, меч, наконечники стрел, панцирные пластины и пряжки, следует, что это погребение можно датировать концом XI–XII — нач. XIII в., скорее всего — XII в.

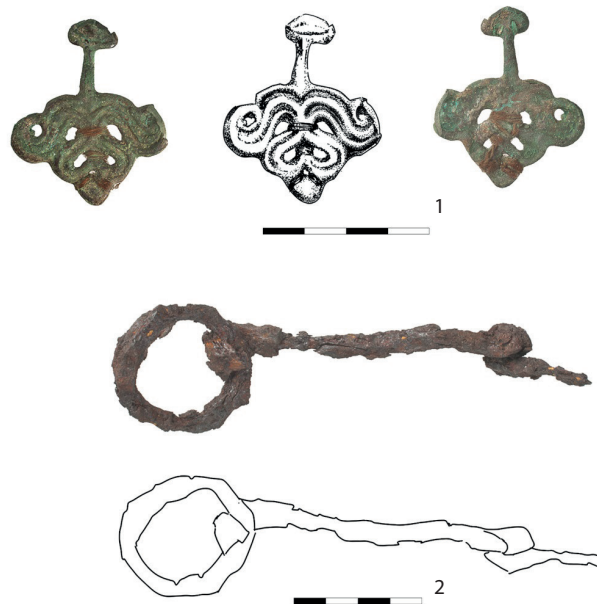

Рис. 4. БКМ. Курган №25, погребение 3:
1 — часть бронзовой ажурной двусоставной застёжки; 2 — часть удила

Fig. 4. BKM. Mound №25, grave 3:
1 — part of a bronze openwork two-piece clasp; 2 — part of a bit

Курган №25, погребение 3 (Дульзон, 1947а, табл. 43). Это погребение ребенка, уложенного поверх лошади. Отличием его является расположение камней не в могиле, а рядом с ней на уровне погребенной почвы, под насыпью кургана. С ребенком найдено боль-

шое количество украшений, расположенных в области головы, шеи и на поясе: лазуритовые подвески и серьги с лазуритом, бусины из сердолика, перламутра, стекла, хрустальная вставка в медальон, бронзовая пластинка древовидной формы — накладка на ленту от головного убора, бронзовая застежка, состоящая из двух половин, и одна половинка от другой (рис. 4.-1), кожаный мешочек и другие предметы. С лошадью лежали удила, топор-тесло (Дульзон, 1947а, с. 103–107; Плетнева, 2019).

Для датирования погребения 3 привлечены удила и бронзовые застежки. Железные удила с кольчатыми псалями и крюковым сцеплением грызел. Диаметр колец по внешнему краю 4 см, длина грызел — 8 см (рис. 4.-2) (Дульзон, 1947а, табл. 48, №97). Такие удила применялись все средневековье: Беликова, 1996, с. 70–71; Иванов, Кригер, 1988, с. 8, 10, рис. 1; Молодин, Соловьев, 2004, с. 52–53; Николаев, 2004, с. 92–93; Плетнева, 1958, с. 178–179; Савинов, 1984, с. 109–112; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 66–68).

Бронзовые застежки были рассмотрены выше, при датировании погребения 3 в кургане №1.

Погребение 3 в кургане №25 можно отнести к концу XI–XII — началу XIII в.

Курган №54 (Дульзон, 1947а, табл. 58). В этом кургане погребения на камнях отмечены в трех захоронениях: погребения 1–3 (в погр. 2 и 3 находились дети). В погребении 1 зафиксирован богатый инвентарь: золотые бляшки, 14 лазуритовых подвесок, серебряное колечко, бронзовые височные кольца, две веточки коралла, кроме того, железные пластины с кольцами, железный боковой крюк на длинной пластине, кресало, железная пряжка и другие предметы. Одной из уникальных находок является бронзовая прорезная подвеска диаметром 5 см с ушком (рис. 5.-1).

Подвески. Бронзовая подвеска из кургана №54 лежала ниже лазуритовых подвесок, расположенных на поясе, здесь же была сердоликовая бусина и крупная овальная бусина из яшмы. «Прорезная бронзовая бляха, 5 см в диаметре, с ушком вверху, на бляхе имеется изображение двух птиц, обращенных клювами к вершине узкого, длинного столбика формы опрокинутого сердца» (Дульзон, 1947а, с. 71, табл. 59, №77). Сюжет с изображенными на подвесках из БКМ птицами предположительно можно определить как «птицы у мирового дерева», распространенный с очень давних времен.

Для датирования этого погребения привлечены железные пластины с кольцами и боковой железный крюк (рис. 5.-2). В аскизской культуре такие предметы встречаются в памятниках малиновского этапа (Кызласов, 1983, табл. XXII.-18). Два боковых крюка зафиксированы в могильнике Санаторный-1 в погребении 13 кургана №2 (Росляков, 2008, рис. 29.-1, 2). Это погребение датировано автором XII, возможно, началом XIII в. (Росляков, 2008, с. 154), один крюк найден в погребении 10 кургана №2 и один, без верхней части (не сохранилась), — в погребении 9 того же кургана (Росляков, 2008, рис. 23.-6, рис. 24.-3, 2). Эти два погребения имеют дату XI–XII вв. (Росляков, 2008, с. 153). Два боковых крюка с кольцами происходят из могильника Ташара-Карьер-2 (Новиков, 2008, рис. 67.-1, 6, к. 8, п. 2; развитое средневековье).

В погребении 1 кургана №54 найдена железная вилка с двумя зубцами, общая длина 13 см, одного зубца — 9,5 см, другого — 6 см. Она находилась в деревянном футляре, обтянутом грубой тканью (Дульзон, 1947а, табл. 61, №84). Подобные предметы есть в аскизской культуре, в материалах малиновского и каменского этапов (Кызласов, 1983,

табл. XXIII.-20–22) и культуре кыргызов на Среднем Чулыме (Беликова, 1996, рис. 45.-15, Змеинкинский курганный могильник, к. 58, XIII в., с. 100), и среди предметов монгольского времени из Денисовой пещеры (Тишкин, 2009, рис. 113.-4).

Рис. 5. БКМ. Курган №54, погребение 1. Бронзовая подвеска и железный крюк. 1 — по: (Дульзон. Научный архив, с. 24)

Fig. 5. BKM. Mound №54, grave 1. Bronze pendant and iron hook 1 — from (Dulzon, in: Research Repository, p. 24)

По набору украшений из лазурита, сердолика и веточкам коралла (?) это погребение близко погребению 3 в кургане №1 БКМ. Подводя итог по датированию погребения 1 в кургане №54, его следует отнести к XII — началу XIII в.

Погребение 2 объединяет с погребением 1 в этом кургане набор лазуритовых подвесок, янтарных и сердоликовых бусин (Плетнева, 2019, табл. 1). Здесь же найден фрагмент зеркала (рис. 6).

А.В. Маракуев описывает три предмета, отнесенные им к китайским бронзам: это зеркало из погребения 2 кургана №25, фрагмент такого же зеркала из погребения 2 кургана №54 и амулет из погребения 1 кургана №42 (Маракуев, 1947, с. 169–174; рис. 1, 2, 3). В нашей статье обратимся к зеркалам. «Фрагмент китайского зеркала (Дульзон, 1947а, табл. 62, №255) в точности соответствует выше описанному зеркалу (из кург. 25. — Л.П.) с тем же самым орнаментом, только выполненным чуть выше, нежели на первом зеркале» (Дульзон, 1947а, с. 171). Фрагмент зеркала диаметром 10,4 см. Лицевая сторона покрыта зеленой патиной, есть небольшое отверстие, расположенное в ободке. На оборотной стороне рисунок. Из-за патины он «читается» плохо. По описанию А.В. Маракуева орнамент на зеркале из кургана №25 представлен двумя «концентрическими кругами». Отступая от гладкого края зеркала на 1 см, идет невысокий ободок, второй обо-

док проходит на расстоянии 2,5–2,6 см от края. В центре — шишка-петля. Во внешнем поле изображена виноградная лоза с листьями и плодами (по Лубо-Лесниченко, 1975, с. 65–66). А.В. Маракуев определил этот орнамент как «стилизованную ветку шиповника с цветами или ветку хмеля с шишками. Внутреннее поле покрыто двумя гирляндами змей, как будто крылатых (прообразов драконов)» (Маракуев, 1947, с. 170).

Близкое этому зеркалу найдено в могильнике Ташара-Карьер-2, в кургане №2 (Новиков, 2008, с. 278, рис. 13). Его диаметр 10 см. В центре — шишка-петля, как и у басандайского зеркала. «В центральной части орнаментального поля изображены два феникса и стилизованные облака, во внешнем орнаментальном поле, отделенном от центрального небольшим ободком, изображена извивающаяся виноградная лоза» (Новиков, 2008, с. 278). Как видим, описания рисунка А.В. Маракуева и А.В. Новикова разнятся. «Виноградные» зеркала с изображениями фениксов появляются после X в. н.э. и бытуют до XIV в. Зеркало из могильника Ташара-Карьер-2 датировано автором публикации со ссылкой на Е.И. Лубо-Лесниченко XI–XII вв. н.э. (Лубо-Лесниченко, 1975, рис. 50, с. 65–66). На зеркале орнамент, особенно в центральной части просматривается плохо. Возможно, что замечание А.В. Маракуева «дракон, как будто крылатый» — это крылья фениксов (?). И А.В. Маракуев и Е.И. Лубо-Лесниченко в качестве аналогии ссылаются на одно и то же зеркало из с. Кавказское б. Минусинского уезда. Е.И. Лубо-Лесниченко указывает, как уже сказано, дату XI–XII вв., А.В. Маракуев — VII–VIII вв. (Маракуев, 1947, с. 170). Автор данной статьи придерживается даты, определенной Е.И. Лубо-Лесниченко.

Погребение 2 можно датировать по фрагменту зеркала XI–XII вв.

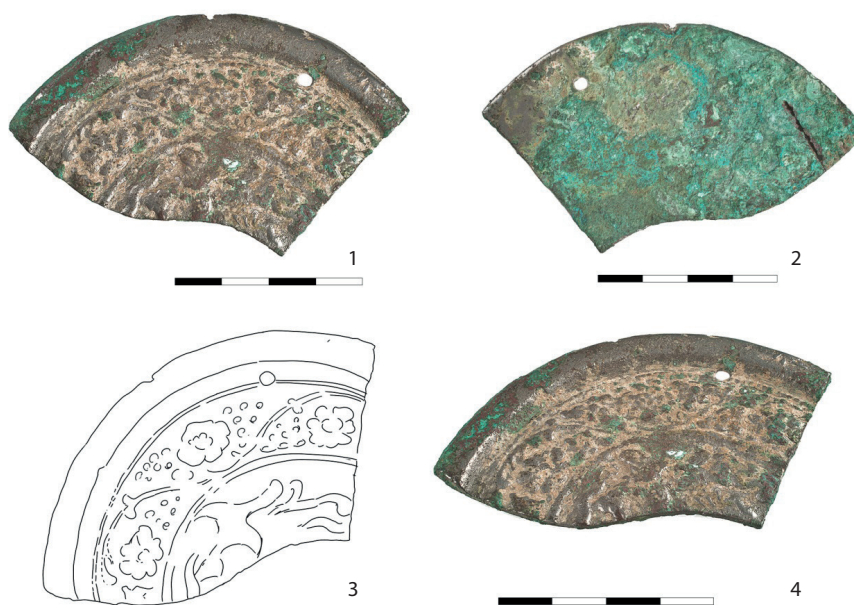

Рис. 6. БКМ. Курган №54, погребение 2. Фрагмент бронзового зеркала

Fig. 6. BKM. Mound 54, grave 2. Fragment of a bronze mirror

Погребение 3 (трупосожжение). На камнях вместе с остатками от трупосожжения найдены кусочки медной или бронзовой пластинки, 8–9 кусочков спекшегося стекла, раковина типа речной улитки (Дульзон, 1947, с. 69–70). Датированных предметов нет.

Погребение 3 объединяет с погребениями 1 и 2 в этом кургане такой признак, как расположение его на камнях, и его можно отнести к этому же времени: XI — нач. XIII в.

Курган №66, погребение 1. В этом погребении найдены серебряные бляшка и часть пластинки, восьмигранные сердоликовые бусины, лазуритовые подвески, бронзовые височные кольца, нож, топор-тесло. Выделяются среди украшений две цилиндрические бусины с белыми вставками в виде волнистых узких полосок (Плетнева, 2019, рис. 6; Дульзон, 1947а, табл. 64, №99, 100)⁶.

Такие бусины встречаются редко. Одна из них найдена в могильнике Сопка-2, в погребении 139, но она другой формы. По классификации бус авторами монографии она отнесена к типу 14 — асимметрично-биконических, черных с белыми зигзагообразными прожилками (Молодин, Соловьев, 2004, рис. 14.-а, рис. XV, табл. XVII.I-5. Указанное погребение из Сопки-2 датировано XII–XIV вв.

По наличию семи-восьмигранных сердоликовых бусин, лазуритовых подвесок и цилиндрических бусин это погребение следует датировать XII, может быть, началом XIII в.

Курган №68, погребение 3 (Плетнева, 1997, рис. 100). В нем найдены железные наконечники стрел плохой сохранности, железный нож и два неопределенных железных предмета (табл. 1). Определить дату погребения можно по двум наконечникам стрел.

По типологии А.И. Соловьева они относятся к типу 1 — ромбовидные плоские (Молодин, Соловьев, 2004, тип 1, с. 35). Один из наконечников сохранился лучше. Он плоский, ромбической формы. Ю.С. Худяков отмечал: «Хотя плоские стрелы применялись кочевниками восточных районов Центральной Азии с хуннского времени, их повсеместное распространение в кочевом мире происходит с начала II тыс. н.э.» (Худяков, 1997, с. 124). Такие наконечники распространены широко, приведем ряд примеров: они найдены на Алтае (Худяков, 1997, рис. 40.-15), в материалах усть-талькинской культуры (Николаев, 2004, рис. 82.-5, по его классификации — группа 1, тип 2 — симметрично-ромбические, могильник Усть-Уда, из разрушенного погребения, XIII–XIV вв.), на Южном Урале: наконечники типа BIV — плоские, ромбической формы найдены как в комплексах XII — нач. XIII в., так и в комплексах XIII–XIV вв. (Иванов, Кригер, 1988, рис. 16.-10, 11; рис. 3). А.Ф. Медведев (1966, с. 57) в результате своих исследований пришел к заключению: «Плоские наконечники на территории Восточной Европы повсеместно употреблялись в течение всего средневековья». Определить дату этого погребения по одному предмету, имеющему широкие хронологические границы использования, сложно, но, скорее всего, оно относится к XI–XIII вв.

Курган №70, погребение 3. В этом погребении найдены два железных наконечника стрел, три бронзовых мелких четырехлепестковых нашивки, кресало, кремь и топор-тесло.

⁶ В подписи к рисунку №6 в статье Л.М. Плетневой (2019) допущена ошибка. Предметы на этом рисунке происходят из погребения 1 кургана №66, см. (Дульзон, 1947а, с. 73–74). Такая же ошибка есть в работе А.П. Дульзона (1953, с. 175).

Наконечники стрел по поперечному сечению пера плоские, по форме пера — листовидные (рис. 7.-4, 5).

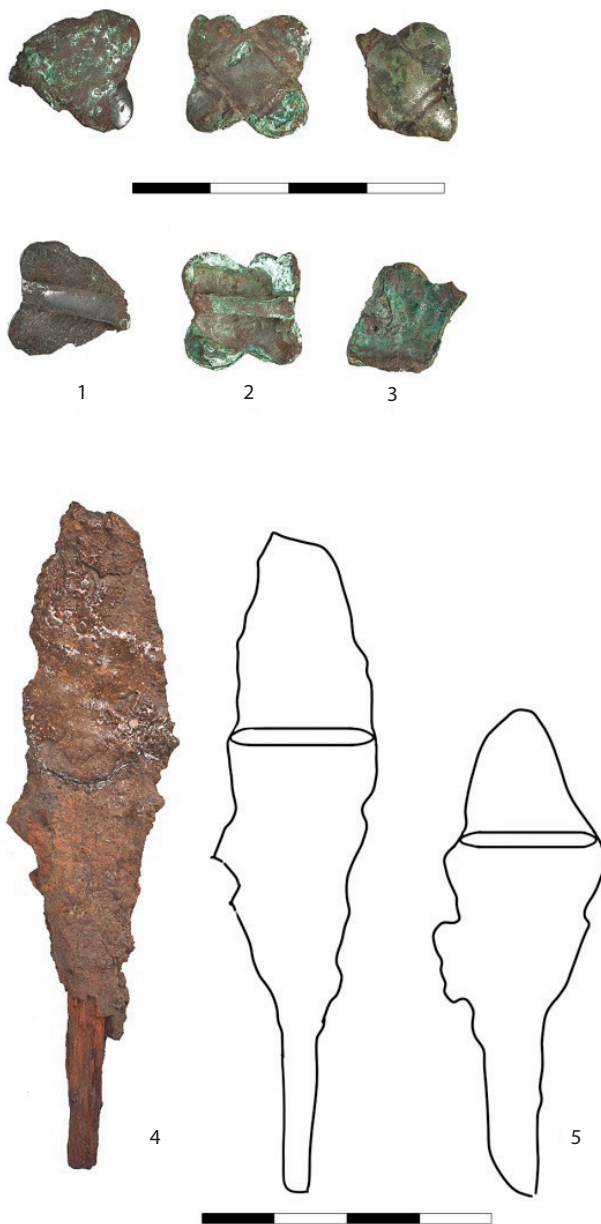

Рис. 7. БКМ. Курган №70, погребение 3: 1–3– бронзовые четырехлепестковые нашивки; 4–5– железные наконечники стрел

Fig. 7. BKM. Mound №70, grave 3: 1–3 – bronze four-petal patches; 4–5 – iron arrowheads

Они имеют очень широкое распространение с начала II тыс. н.э., о чем уже сказано. Ограничивают дату погребения 3 в кургане №70 четырехлепестковые нашивки.

Бронзовые четырехлепестковые нашивки (рис. 7.-1-3) с одной или двумя черточками у основания лепестков известны со 2-й половины I тыс. и во II тыс. н.э. Распространены очень широко: в древностях Северного Кавказа IV–IX вв. (Ковалевская, 1981, рис. 61.-8), в Западной Сибири: в Зауралье, в юдинской культуре (XI–XIII вв.) (Могильников, 1987, табл. LXXI.-34), в Нижнем Приобье (Могильников, 1987, табл. XCI.-25, из Тазовской мастерской ювелиров, конец IX — XII в. (по Зыкову А.П.)).

Такие же бляшки известны на Среднем Чулыме: погребение из кургана №21 Калмацкого курганного могильника, оно датировано X — серединой XI в. (Беликова, 1996, с. 98). Пять бляшек были «...на остатке кожаного ремешка длиной 12–16 см, шириной 1,6 см с тканью» (Беликова, 1996, рис. 83.-19, 20); в погребении кургана №29 того же могильника найдено три бляшки, курган датирован XI–XIII вв. (Беликова, 1996, рис. 91.-4-6, с. 100).

В Басандайском курганном могильнике подобные бляшки обнаружены еще в погребении 2 кургана №70, в кургане №71 (Дульзон, 1947а, табл. 64, №13), в погребении 2 кургана №97. Дата погребения 3 в кургане №70 определяется концом XI — началом XIII в.

Курган №97, погребение 3 (Плетнева, 1997, рис. 96). В нем найдены: железные наконечники стрел плохой сохранности, бронзовые серьги в виде колец, кресало, нож и три неопределенных предмета. Из этого погребения для датирования взяты железные наконечники стрел.

Они двух типов: 1. Два железных плоских наконечника с асимметрично-ромбической формой пера с расширением его в верхней трети, конец пера приострен (рис. 8.-1, 2). Они выделяются размерами: один в длину 13,6 см, длина пера 8,8 см, ширина — 3 см; другой имел длину 12,3 см, длину пера — 8,8 см, ширину — 2,5 см. Такие наконечники найдены в комплексах вооружения сrostкинской культуры во 2-й половине X — XII в., Горного Алтая монгольского времени и кармацкой культуры (Горбунов, 2006, рис. 78, рис. 80, рис. 81), кыштовской культуры (Молодин, Ефремова, Соловьев, 2021, в культовых комплексах XIII–XIV вв., с. 117), усть-талькинской культуры, в памятниках XII — 1-й половины XIII в. (могильник Усть-Талькин) и XIII–XIV вв. (могильник Усть-Уда) (Николаев, 2004, табл. 6). Как известно, такие наконечники распространены очень широко, от Восточной Европы до Приамурья, и бытуют вплоть до этнографической современности у народов Сибири (Медведев, 1966, табл. 27.-5, XIV в., из курганов у дер. Вороной; Николаев, 2004, с. 86).

Второй тип представлен железными плоскими наконечниками с вытянуто-треугольной формой пера с вытянутыми плечиками, переходящими в упор, острие пера либо заостренное, либо заovalенное (может быть, вследствие коррозии). Общие размеры: длина от 7,0 см до 10,3 см (разная сохранность черешков), длина пера вместе с упором от 6,8 см до 8,0 см (у трех — 7 см), ширина пера 1,5–1,7 см (рис. 8.-2-4). Такие наконечники стрел имели распространение в развитом средневековье и бытуют до позднего средневековья. Так, они найдены в могильнике Санаторный-1 (Росляков, 2008, рис. 139.-3, XI–XII вв., с. 153), в аскизской культуре (Кызласов И.Л., 1981, рис. 74.-45, конец X — XII в.), в Каракоруме (Медведев, 1966, табл. 29.-15-17), в восточно-европейских памятниках они есть на Северном Кавказе (Ковлевская, 1981, рис. 94.-195, XII в.) и, как отме-

чал А.Ф. Медведев, такие наконечники характерны для Восточной Европы в течение всего средневековья (Медведев, 1966, с. 57). В Сибири они бытуют долго, встречаются в памятниках позднего средневековья (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, рис. 42, могильник Кыштовка). Исходя из того, что плоские железные наконечники стрел характерны для развитого средневековья и позже, наконечники из кургана №97, погребения 3 были использованы их владельцем не раньше конца XI — XII в.

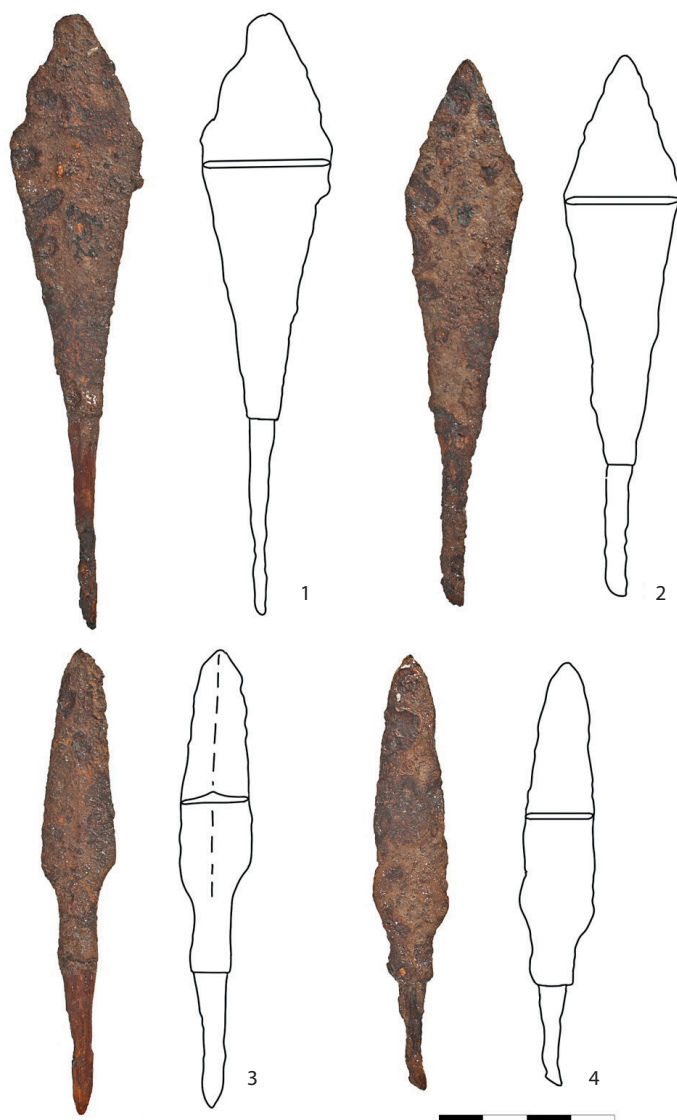

Рис. 8. БКМ. Железные наконечники стрел из погребения 3, курган №97

Fig. 8. BKM. Iron arrowheads from grave 3, Mound №97

Заключение

Анализ материалов из погребений на камнях показал, что они относятся к ранней группе в Басандайском курганном могильнике. Их следует датировать концом XI–XII — нач. XIII в. (табл.).

З.Я. Бояршинова выделила группу ранних погребений, датировав ее X–XII вв. Как следует из нашей статьи, X — 1-я половина XI в. из этой датировки исключаются. А.П. Дульзон часть грунтовых погребений относил к «XII, может быть, к XI в.». Среди них упомянуты погребения на камнях: к. 54, п. 1, п. 2: к. 66, п. 1 (Дульзон, 1953, с. 179). Наземное погребение 3 в кургане №1 и грунтовое погребение 3 в кургане №25 он датировал XIII–XIV вв. Л.М. Плетнева это же погребение датировала также XIII–XIV вв. (Плетнева, 1997, с. 112), а погребение 3 в кургане №25 отнесла к XII–XIV вв. (Плетнева 1997, с. 113). По исследованию, изложенному в данной статье, их следует отнести к ранней группе.

В дальнейшем следует рассмотреть курганы, имеющие сходство в инвентаре, хронологически близком к инвентарю погребений на камнях, что даст возможность определить всю группу ранних курганов из Басандайского курганного могильника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.
- Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 272 с.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 244 с.
- Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 335 с.
- Бояршинова З.Я. Погребальный ритуал в басандайских курганах // Басандайка: сборник материалов и исследований по археологии Томской обл. Томск: Тип. №1 Полиграфиздата, 1947. С. 151–165 (Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева; Т. 98).
- Горбунов В.В. Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. 1. С. 37–42.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- Горбунов В.В. Сросткинская культура // История Алтая в 3-х т. Т. 1. Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. С. 333–345.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганы сросткинской культуры на Приобском плато. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 320 с.
- Грязнов М.П. История древних племен по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 168 с. (МИА, №48).
- Дульзон А.П. Дневники раскопок курганного могильника на Басандайке // Басандайка: сборник материалов и исследований по археологии Томской обл. Томск: Тип. №1 Полиграфиздата, 1947а. С. 65–116 (Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева; Т. 98).

Дульзон А.П. Дневники раскопок курганного могильника на Басандайке // Архив МАЭС ТГУ. 19476. №106.

Дульзон А.П. Описание раскопок курганного могильника на Басандайке. 1944–1946 гг. Объединенная историко-археологическая экспедиция Томского ГУ им. В.В. Куйбышева и Томского ГПИ. Томск, 1944, 1945, 1946 гг. // Научный архив ИА РАН. Ф-1. Р. №50. 177.

Дульзон А.П. Поздние археологические памятники и проблема происхождения чувшских татар // Ученые записки ТГПИ. Т. 10. Томск, 1953. С. 127–334.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М. : Наука, 1988. 92 с.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.

Ковалевская В.Б. Северный Кавказ в X–XIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. : Наука, 1981. С. 224–228.

Кызласов И.Л. Аскизская культура. Средневековые хакасы в X–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. : Наука, 1981. С. 200–207.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М. : Наука, 1983. Вып. ЕЗ-18. 128 с.

Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура средневековых хакасов (IX–X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. : Наука, 1981. С. 54–59.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины: (К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. С приложением статьи И.В. Богдановой-Березовской. М. : Наука, 1975. 164 с.

Маракуев А.В. Китайские бронзы из Басандайки // Басандайка: сборник материалов и исследований по археологии Томской обл. Томск : Тип. №1 Полиграфиздата, 1947а. С. 167–174. (Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева; Т. 98).

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). М. : Наука, 1966. 184 с. (САИ. Вып. Е1-36).

Медведев В.Е. Приамурье в конце I — начале II тыс. н.э. Чжурчжэньская эпоха. Новосибирск : Наука, 1986. 205 с.

Могильников В.А. Об этническом составе Среднего и Верхнего Приобья в I тыс. н.э. // Народы и языки Сибири. Новосибирск : Наука, 1980. С. 242–248.

Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. : Наука, 1981. С. 190–193.

Могильников В.А. Сибирские и среднеазиатские кочевнические древности XI–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. : Наука, 1981. С. 194–200.

Могильников В.А. Юдинская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. : Наука, 1987. С. 168–176.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М. : Наука, 2002. 362 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 6. Ритуальные комплексы эпохи Средневековья. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2021. 143 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск : Наука, 1990. 262 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 2. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 184 с.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура. Владивосток ; Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. 306 с.

Новиков А.В. Курганный могильник Ташара-Карьер-2 // Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Гл. 3. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 276–337.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск : Изд-во ТГУ, 1997. 350 с.

Плетнева Л.М. Лазурит в составе украшений из памятников басандайской культуры // Народы и религии Евразии. 2019. №3 (20). С. 34–58.

Плетнева Л.М. Социальная структура общества развитого средневековья в Томском Приобье (по материалам могильников) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, №1. С. 106–127.

Плетнева Л.М. Ориентация погребенных в могильниках Томского Приобья развитого средневековья // Теория и практика археологических исследований. 2022а. Т. 34, №1. С. 95–108.

Плетнева Л.М. Погребальные сооружения развитого средневековья в Томском Приобье (по материалам могильников) // Теория и практика археологических исследований. 2022б. Т. 34, №2. С. 105–134.

Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. С. 151–226. (МИА. №62).

Росляков С.Г. Курганный могильник Санаторный-1 // Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 71–275.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 175 с.

Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1994. 215 с.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М. : Наука, 1981. 195 с.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 350 с.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул : Азбука, 2009. 208 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с.

Трифонов Ю.И. Памятники средневековых кочевников // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата : «Наука» Казахской ССР, 1987. Глава V. С. 115–246.

Трифонов Ю.И., Ахинжанов С.М., Ермолаева А.С. Белокаменка // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата : Наука, 1987. С. 141–144.

Трифонов Ю.И., Самашев З.С. Карашат I // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата : Наука, 1987. С. 176–215.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. : Изд-во МГУ, 1966. 273 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск : Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск : Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.

REFERENCES

Adamov A.A. Novosibirsk Ob Region in the 10th–14th Centuries. Tobolsk; Omsk : OmGPU, 2000. 256 p. (*In Russ.*)

Belikova O.B. Middle Chulym Region in the 10th–13th Centuries. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1996. 272 p. (*In Russ.*)

Belikova O.B. and Pletneva L.M. The Sites of the Tomsk Ob Region in the 5th–8th Centuries Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1983. 244 p. (*In Russ.*)

Biedermann G. Dictionary of Symbolism. Moscow : Respublika, 1996. 335 p. (*In Russ.*)

Boyarshinova Z.Ya. Funeral Rituals in the Basandai Mounds. In: Basandaika: Collection of Archaeological Materials and Studies for the Tomsk Region. Tomsk : Tip. №1 Poligrafizdat, 1947. Pp. 151–165 (Proceedings of the Tomsk State University, Vol. 98) (*In Russ.*)

Gorbunov V.V. Turkification Processes in the South of Western Siberia in the Early Middle Ages. In: Historical Experience of Economic and Cultural Development of Western Siberia. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. Vol. 1. Pp. 37–42 (*In Russ.*)

Gorbunov V.V. Military Arts of the Altai Population in the 3rd–14th Centuries. Part II. Offensive Weapons. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. 232 p. (*In Russ.*)

Gorbunov V.V. Srostki Culture. In: The History of Altai in 3 Volumes. Vol. 1. The Most Ancient Times, Antiquity and the Middle Ages. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta; Belgorod : Konstanta, 2019. Pp. 333–345 (*In Russ.*)

Gorbunov V.V. and Tishkin A.A. Mounds of the Srostki Culture on the Ob Plateau. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2022. 320 p. (*In Russ.*)

Gryaznov M.P. The History of Ancient Tribes Based on Excavations Near the Village of Bolshaya Rechka. Moscow; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1956. 168 p. (MIA, No. 48). (*In Russ.*)

Dulzon A.P. Excavation Diaries for the Basandaika Burial Mound. In: Basandaika: Collection of Archaeological Materials and Studies for the Tomsk Region. Tomsk : Tip. №1 Pol-

igrafizdata, 1947a [cover: 1948]. Pp. 65–116 (Proceedings of the Tomsk State University, Vol. 98) (*In Russ.*)

Dulzon A.P. Excavation Diaries for the Basandaika Burial Mound. In: Archive of the TSU Museum of Siberian Archaeology and Ethnography. 1947b. No. 106 (*In Russ.*)

Dulzon A.P. Excavation Diaries for the Basandaika Burial Mound. 1944–1946. The United Historical and Archaeological Expedition of the Tomsk State University and the Tomsk State Pedagogical Institute. Tomsk, 1944, 1945, 1946. Research Repository of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. F-1. P. No. 50. 177 (*In Russ.*)

Dulzon A.P. Late Archaeological Sites and the Problem of the Origin of the Chulym Tatars. In: Proceedings of the Western Tomsk State Pedagogical University. Vol. 10. Tomsk, 1953. Pp. 127–334 (*In Russ.*)

Ivanov V.A. and Kriger V.A. Mounds of the Kipchak Period in the Southern Ural (12th–14th Centuries). Moscow : Nauka, 1988. 92 p. (*In Russ.*)

Ilyushin A.M. The Ethnocultural History of the Kuznetsk Depression in the Middle Ages. Kemerovo : Izd-vo KuzGTU, 2005. 240 p. (*In Russ.*)

Kovalevskaya V.B. The North Caucasus in the 10th–13th Centuries. In: Steppes of Eurasia in the Middle Ages. Moscow : Nauka, 1981. Pp. 224–228 (*In Russ.*)

Kyzlasov I.L. The Askiz Culture. The Khakass in the Middle Ages in the 10th–14th Centuries. In: Steppes of Eurasia in the Middle Ages. Moscow : Nauka, 1981. Pp. 200–207 (*In Russ.*)

Kyzlasov I.L. The Askiz Culture of Southern Siberia of the 10th–14 Centuries. Moscow : Nauka, 1983. Issue E3-18. 128 p. (*In Russ.*)

Kyzlasov L.R. The Tyukhtyat Culture of the Khakass in the Middle Ages (9th–10th Centuries). In: Steppes of Eurasia in the Middle Ages. Moscow : Nauka, 1981. Pp. 54–59 (*In Russ.*)

Lubo-Lesnichenko E.I. Imported Mirrors of the Minusinsk Basin: To the question of external relations of the ancient population of South Siberia. With an appendix of an article by I.V. Bogdanova-Berezovskaya. Moscow : Nauka, 1975. 164 p. (*In Russ.*)

Marakuev A.V. Chinese Bronzes from Basandaika. In: Basandaika: Collection of Archaeological Materials and Studies for the Tomsk Region. Tomsk : Tip. №1 Poligrafizdata, 1947a [cover: 1948]. Pp. 167–174 (Proceedings of the Tomsk State University, Vol. 98) (*In Russ.*)

Medvedev A.F. Throwing Weapons (Bow and Arrows, Crossbow). Moscow : Nauka, 1966. 184 p. (SAI. Issue E1-36). (*In Russ.*)

Medvedev V.E. The Amur Region at the End of the 1st — Beginning of the 2nd Millennium AD. Jurchen Era. Novosibirsk : Nauka, 1986. 205 p. (*In Russ.*)

Mogilnikov V.A. On the Ethnic Composition of the Middle and Upper Ob Region in the 1st Millennium AD. In: Peoples and Languages of Siberia. Novosibirsk : Nauka, 1980. Pp. 242–248 (*In Russ.*)

Mogilnikov V.A. Monuments of the Nomads of Siberia and Central Asia in the 10th–12th Centuries. In: Steppes of Eurasia in the Middle Ages. Moscow : Nauka, 1981. Pp. 190–193 (*In Russ.*)

Mogilnikov V.A. Siberian and Central Asian Nomadic Antiquities of the 11th–14th Centuries. In: Steppes of Eurasia in the Middle Ages. Moscow : Nauka, 1981. Pp. 194–200 (*In Russ.*)

Mogilnikov V.A. Yudina Culture. In: Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages. Moscow : Nauka, 1987. Pp. 168–176 (*In Russ.*)

Mogilnikov V.A. Nomads of the Northwestern Foothills of the Altai Mountains in the 9th–11th Centuries. Moscow : Nauka, 2002. 362 p. (*In Russ.*)

Molodin V.I., Efremova N.S. and Solovyov A.I. Sopka-2 Site on the Om River. Vol. 6. Ritual Complexes of the Middle Ages. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2021. 143 p. (*In Russ.*)

Molodin V.I., Sobolev V.I. and Solovyov A.I. Baraba in the Late Middle Ages. Novosibirsk : Nauka, 1990. 262 p. (*In Russ.*)

Molodin V.I. and Solovyov A.I. Sopka-2 Monument on the Om River. Vol. 2. Cultural and Chronological Analysis of Burial Complexes of the Middle Ages. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2004. 184 p. (*In Russ.*)

Nikolaev V.S. Burial Complexes of Nomads in the South of Central Siberia in the 12th–14th Centuries: Ust-Talka Culture. Vladivostok ; Irkutsk : Izd-vo In-ta geografii SO RAN, 2004. 306 p. (*In Russ.*)

Novikov A.V. Tashara-Karyer-2 Burial Mound. In: Upper Ob Region at the Turn of the Ages (Basandaika Culture). Chapter 3. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2008. Pp. 276–337 (*In Russ.*)

Pletneva L.M. Tomsk Ob Region in the Early Second Millennium AD (Based on Archaeological Data). Tomsk : Izd-vo TGU, 1997. 350 p. (*In Russ.*)

Pletneva L.M. Lazurite in Jewelry from Site of the Basandaika Culture. *Narody i religii Evrazii = Peoples and Religions of Eurasia*. 2019;3(20):34–58 (*In Russ.*)

Pletneva L.M. Social Structure of the Population of the Tomsk Ob Region in the High Middle Ages (Based on Materials from Burial Grounds). *Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2021;33(1):106–127 (*In Russ.*)

Pletneva L.M. The Orientation of Bodies Buried in Mounds of the Tomsk Ob Region of the High Middle Ages. *Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022a;34(1):95–108 (*In Russ.*)

Pletneva L.M. Burial Structures of the High Middle Ages in the Tomsk Ob Region (Based on Materials from Burial Grounds). *Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022b;34(2):105–134 (*In Russ.*)

Pletneva S.A. The Pechenegs, Torks and Cumans in the South Russian Steppes. Moscow; Leningrad ; Izd-vo AN SSSR, 1958. Pp. 151–226 (MIA, №62). (*In Russ.*)

Roslyakov S.G. Sanatory-1 Burial Mound. In: Upper Ob Region at the Turn of the Ages (Basandaika Culture). Novosibirsk : Izd-vo Instituta arheologii i etnografii SO RAN, 2008. Pp. 71–275 (*In Russ.*)

Savinov D.G. The Peoples of Southern Siberia in the Ancient Turkic Era. Leningrad : Izd-vo Leningr. un-ta, 1984. 175 p. (*In Russ.*)

Savinov D.G. States and Cultural Genesis in Southern Siberia in the Early Middle Ages. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1994. 215 p. (*In Russ.*)

Sedova M.V. Jewelry of Ancient Novgorod (10th–15th Centuries). Moscow : Nauka, 1981. 195 p. (*In Russ.*)

Tishkin A.A. Creation of Periodization and Cultural Chronological Charts: Historical Experience and Modern Approach to Studying Ancient and Medieval Altai Peoples. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. 350 p. (*In Russ.*)

Tishkin A.A. The Altai Region in the Mongolian Period (Based on the Materials from Archaeological Monuments). Barnaul : Azbuka, 2009. 208 p. (*In Russ.*)

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. and Kazakov A.A. Teleuisky Vozoz-1 Kurgan Burial Ground and the Culture of the Population of the Forest-Steppe Altai in the Mongolian Agw. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. 276 p. (*In Russ.*)

Trifonov Yu.I. The Sites of Medieval Nomads. In: Archaeological Sites in the Flood Zone of the Shulbinskaya HPP. Alma-Ata : Nauka, 1987. Pp. 115–246. (*In Russ.*)

Trifonov Yu.I., Akhinzhanov S.M. and Ermolaeva A.S. Belokamenka. In: Archaeological Sites in the Flood Zone of the Shulbinskaya HPP. Alma-Ata : Nauka, 1987. Pp. 141–144 (*In Russ.*)

Trifonov Yu.I. and Samashev Z.S. Karashat-1. In: Archaeological Sites in the Flood Zone of the Shulbinskaya HPP. Alma-Ata : Nauka, 1987. Pp. 176–215 (*In Russ.*)

Troitskaya T.N. and Novikov A.V. The Upper Ob Culture in the Novosibirsk Ob Region. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1998. 152 p. (*In Russ.*)

Fedorov-Davydov G.A. Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde Khans. Moscow : Izd-vo MGU, 1966. 273 p. (*In Russ.*)

Khudyakov Yu.S. Armament of the Yenisei Kyrgyz in the 6th–12th Centuries. Novosibirsk : Nauka, 1980. 176 p. (*In Russ.*)

Khudyakov Yu.S. Armament of Nomads of Southern Siberia and Central Asia in the High Middle Ages. Novosibirsk : Izd-vo in-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1997. 160 p. (*In Russ.*)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Плетнева Людмила Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета, г. Томск, Россия.

Lyudmila M. Pletneva, Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of World History, Archaeology and Ethnology, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 18.06.2023;

одобрена после рецензирования 30.08.2023;

принята к публикации 03.09.2023.

The article was submitted 18.06.2023;

approved after reviewing 30.08.2023;

accepted for publication 03.09.2023.